25 НОЯ 1984 СОВЕТСКАЯ РОССИЯ г. Москва

Людмила Гурченко

ВОСПОМИНАНИЯ

АПЛОДИСМЕНТЫ

«Аплодисментами» я обращаюсь к зрителям-читателям, которым пришлось по душе «Мое взрослое детство». Я искренне поверила в желание прочесть продолжение «...Детства». И, может, порой это продолжение будет невеселым. Но так складывалась жизнь, которая предшествовала ролям последнего десятилетия.

Автор.

Полностью новая повесть Л. Гурченко публикуется в первом номере журнала «Наш современник».

Весной 1956 года у меня была кинопроба в музыкальной картине, в роли, о которой я мечтала с детства. Но, как я ни старалась, как я ни мечтала и ни хотела, этого оказалось слишком мало. Эти детские восторженные прыжки — «ах, хочу», «ах, мечтаю», «ах, не могу жить без...» — все это пустой звук.

Актрисы, которые пробовались на роль, сами не пели, а открывали рот под чужую фонограмму. Я пела сама. И это было единственным, что выгодно отличало мою пробу. Но в те времена главным была внешность актрисы. Меня плохо снял оператор, кажется, начинающий. Иначе бы он увидел мою неуемную радость существования в музыке. Костюм случайный, проба наспех. Кто-то видел меня в студенческом концерте с аккордеоном. Вот и пригласили. Пригласили, но не полюбили. Не поняли. И не утвердили...

И все-таки в этом фильме я снималась. Это случай. Произошел справедливый в жизни Господин Случай. Он не мог не произойти. Уж слишком страстно я желала такой роли!

В этой веселой картине я встретилась с великим артистом нашей страны—Игорем Владимировичем Ильинским. Он — легенда, начало всех начал — и немых, и звуковых комедийных шедевров. Неужели же я, девушка с харьковским говорком, буду работать рядом с Игорем Ильинским?! Страшновато было. Так уж повелось, если вокруг человека ореол славы, ореол признанного и прочно зарегистрированного уважения, список титулов, званий и наград, то чувствуешь себя маленьким, мешающим, хочется незаметно исчезнуть. Такое положение человека обязывает быть постоянно вежливым и демократичным... Весь груз официальных почестей и популярности не обременял этого человека. Он как будто и не знал, что он великий народный всего СССР. Тихий, скромный, никакой позы. Я смотрела на него и думала: «Эх вы, Игорь Владимирович, мне бы вашу славу, да я бы мир перевернула!» А он сидит себе в уголочке, на разбитом диванчике, прикрыв глаза... в руках сценарий, но он в него не заглядывает, что-то шепчут губы, потом он слегка улыбается... и вдруг мгновенно вскакивает и идет в кадр. Оказывается, он и «там» существует, и тут, в реальной жизни, ничего не пропускает.

Теперь я думаю: а как он должен был себя вести? Он — живая легенда. Ведь настоящие крупные личности крайне скромны. Они потому и крупные, что поняли сердцем, талантом, интуицией — не знаю чем,— что величие именно в простоте. Вот этого никак не схватишь, а когда дойдет, бывает уже поздно. Великие личности крайне скромны, потому что полны своим, своей внутренней, изнурительной, интенсивной жизнью. Они не томятся дурью и не занимаются сплетнями. Им некогда, им не до этого. Они не требуют от окружающих особой почтительности, а тем более униженного раболепия и подхалимажа: «О! Мы смотрели материал! Вы — гений! Вы неотразимы! Вы затмили всех!» Нет, все это проплывает мимо. Потому что крупный артист знает цену этому дешевому воркованию. Ведь ровно через минуту в его гримерное кресло сядет совсем другого полета и постоинства человек, и пойдет тот же текст: «Ах, вы затмили...» Крупные люди если и общаются, то на равных.

В первый съемочный день я сопровождала великого артиста по длинному коридору в его знаменитом монологе директора Дома культуры Огурцова. Вернее, а. о директора, что очень существенно, потому что таких директоров у нас нет. «Но это же квартет, Серафим Иванович» — «Ну и что же, что квартет? Добавьте еще людей, будет большой, массовый квартет». Затаив дыхание, я шла за артистом и поражалась, как от дубля к дублю оттачивается, отшлифовывается то, что только намечалось в репетиции... В зависимости от настроения он или опять сидел один в кресле, прикрыв глаза, или весело общался с молодым веселым режиссером Эльдаром Рязановым, который на съемке всегда смеялся первым. Это всех здорово подхлестывало. Он тут же подхватывал и развивал малейшую деталь, если это была именно «та» деталь.

Однажды, когда операторская группа возилась со светом, все наши женщины собрались около артиста. Раздавались взрывы удивления и восхищения. А потом опять все замирали в ожидании чего-то жизненно важного. И опять вдруг павильон оглашался радостными взвизгиваниями. Таких непроизвольных выкриков, когда люди радуются от души, требует режиссер на записях фонограммы массовых сцен: «Ну же, радуйтесь жизни, смотрите, как весело кругом, как прекрасно живется!» Игорь Владимирович угадывал всем женщинам их возраст. Угадывал безошибочно. Только посмотрит в глаза—и в точку. Ну, думаю, уж меня-то по глазам не прочтете, собью с курса. В это время я буду думать о самых взрослых вещах. «Скажите, пожалуйста, а вот мне сколько дадите?»

Он в упор посмотрел на меня. Какие у него пронзительные зеленые глаза! Я аж сжалась вся. А мои взрослые мысли разбежались во все стороны.

— Тебе... Тебе через год очко.

— Ой, ну это ж надо такое.

— Угадал?

— Ой, вы ж прямо как в лужу глядели.

— Ты с Украины?

— Ага. с Харькова.

— Это слышно.

Ну вот. Все слышит, все знает. Наверное, все на свете перечитал, всех переслушал, все пересмотрел и все пережил. Как же мне хотелось заглянуть, проникнуть в тайные кладовые великого артиста! Но как проникнуть? С какой стороны пронаблюдать? Где и как учиться опыту, зрелости, тайнам и премудростям, которые называются таким волнующим и чувственным словом — жизнь.

На одной съемке меня аж подмывало предложить ему одну «краску». Но я не знала, как он к этому отнесется. По всему гому, как развивались наши дружеские партнерские отношения, должно было быть все в порядке. Но кто знает... Дистанцию я держала всегда. Так вот, в его роли несколько раз встречался вопрос — «да?»,— что-то такое уточняющее, что для нормального человека ясно и без уточнений. Но он не играл человека ограниченного. Мы с мамой всегда смеялись, когда папа изображал одного харьковского интеллигента: «Голубчик вы мой! Как же вы далеки от истины. Мм-ды! Вы так думаете?» «Мм-ды» — вместо «да». Это длинное «мм-ды» производило впечатление ума не простого, ума заковыристого, который в одно время может решать сразу несколько задач, как Юлий Цезарь. Когда я показала это актеру, он смеялся. А в следующем дубле вдруг слышу «мм-ды». А после дубля мне подморгнул. На следующий же день полетело в Харьков письмо: «Дорогой папочка! Твое «мм-ды» повторил великий артист» Игорь Ильинский был папиным любимым артистом.

В небольшом просмотровом зале студии шел показ материала почти целиком снятого фильма. В зале были трое: Ильинский. Рязанов и я. Актер с режиссером перекидывались репликами, что-то уточняли, намечали. Таких тонкостей я тогда не понимала. Я смотрела только на то, как я выгляжу. Вроде ничего, особенно в черном платье с белой муфточкой. Это был единственный костюм, который не перешивали на меня с другой актрисы. И я впервые приняла участие в создании своего костюма на экране. Мы вышли с актером «под часы» — на знаменитый мосфильмовский пятачок, где после съемки членов группы ждет автобус или машина. Ничего мне о материале Игорь Владимирович не сказал. Только во время просмотра спросил: «Сама поешь?» — «Конечно, это же мой тембр, вы послушайте!» И он одобрительно мне кивнул, мол, слышу, слышу.

Вот сейчас он уедет, а мне так интересно узнать его мнение. Ведь это — «его мнение». А он молчит.

— До свидания, всего вам хорошего, Игорь Владимирович!

— До свидания. А ты где живешь?

— Та далеко, в общежитии.

Он подошел к своей машине, о чем-то поговорил с шофером. «Успеем, садись».— И мы поехали...

Пылая от счастья, как маков цвет, я гордо вышла из «ЗИМа» и направилась к главному входу студенческого общежития. Пусть все видят! На «ЗИМе»! В сопровождении! Да не просто в сопровождении какого-то. А рядом с самым великим, легендарным артистом! Вот так. Эх, проклятое лето! В общежитии пусто. Разъехались все. Ну ничего, вся жизнь впереди!